

УДК 949(47) 072
DOI: 10.17223/19988613/75/9

Н.Л. Семенова

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКИХ ГРАЖДАНСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ)

На основе комплекса делопроизводственных архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, изучены основные социокультурные характеристики корпуса оренбургских гражданских губернаторов. Сделаны выводы о кадровой политике императора Николая I во второй четверти XIX в. Сложившаяся в Оренбургской губернии административная практика свидетельствует, что ее губернаторский корпус соответствовал общероссийским показателям.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, гражданский губернатор, кадровая политика, император

В современной историографии утвердилось мнение, что вторая четверть XIX в. в истории России – это время дальнейшей централизации управления на всех уровнях с повышением личной роли императора в разработке и принятии решений [1. С. 194]. Вся бюрократическая система должна была действовать, по мысли Николая I, стройно и дисциплинированно, как хорошая армия, которая представлялась ему идеальным образцом для устройства всего общества [2. С. 138–139].

Кадровая политика Николая I, по мнению ученых, сложилась под влиянием идеологии событий 14 декабря 1825 г.: император «делал ставку на военных, надеясь найти в них четких исполнителей своей воли, людей слова и присяги» [3. С. 93]. Наиболее ярко стремление к военизации государственного аппарата проявилось в провинции [1. С. 200]. По подсчетам П.А. Зайончковского, на 1 января 1853 г. из 58 губернаторов 30 (51,7%) были генералами [4. С. 150].

Во второй четверти XIX в. усилились требования к губернатору как «хозяину» губернии: центральная власть стала обращать внимание на уровень образования и компетентность главных начальников губерний, имущественное положение и личные интересы [3. С. 106]. Документы и воспоминания современников позволяют сделать вывод, что в кадровых вопросах Николай I руководствовался не личными симпатиями и антипатиями, а «служебной пригодностью начального состава» [5. С. 181]. Вместе с тем ряд выводов отечественной историографии о губернаторской власти нуждается в уточнении, например тезисы о том, что «во главе губерний оказывались далеко не лучшие представители российского дворянства», «среди высшей губернской бюрократии второй четверти XIX в. умные, образованные, способные администраторы были редкостью», «правительство не находило нужным постоянно становиться на их сторону» [1. С. 40–41].

Целью данной статьи является попытка рассмотреть кадровую политику российского правительства во второй четверти XIX в. на примере оренбургских гражданских губернаторов.

Для изучения этого вопроса важное значение имеет анализ происхождения, образовательного уровня, возрастного состава высшего чиновничества губернии,

а также выяснение основных механизмов и рычагов назначения на должности.

Исследование кадровой политики предполагает использование документов центральных и местных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. В Российском государственном историческом архиве отложились материалы делопроизводства административных учреждений (фондов Департамента общих дел МВД, Департамента исполнительной полиции, Совета министров, Канцелярии министра внутренних дел), которые позволяют выявить условия функционирования системы губернских учреждений. В этих фондах содержатся формулярные списки губернаторов, документы, касающиеся структуры местного управления, механизма принятия кадровых решений, полиции, личного состава учреждений. В региональных архивах (Национальный архив Республики Башкортостан, Государственный архив Оренбургской области) сохранились официальная переписка об увольнении губернаторов со службы, отчеты по управлению губернией.

Во второй четверти XIX в. Оренбургская губерния представляла собой отдаленную юго-восточную окраину Российской империи. В крае были размещены Уральское, Оренбургское казачьи войска, функционировала кантонная система управления башкирским и мишарским населением. Специфика края нашла отражение в системе управления. Во главе Оренбургской губернии находились военный и гражданский губернаторы [6. С. 178]. Военные губернаторы были введены при Павле I в обеих столицах, что обуславливалось их особой важностью, и на окраинах империи, где обстановка была нестабильной, были расположены регулярные и иррегулярные войска и требовался определенный переходный период для инкорпорации окраин в состав империи [7. С. 313–315]. При Александре I официально провозглашается подчинение гражданских губернаторов военным [8]. В Оренбургской губернии военный губернатор также заведовал и гражданской частью губернии [9. Л. 2].

В рассматриваемый период должность военного губернатора Оренбургской губернии занимали генерал от инфантерии П.К. Эссен (1817–1830), генерал-адъютант

тант граф П.П. Сухтелен (1830–1833), генерал-адъютант граф В.А. Перовский (1833–1842), генерал-лейтенант В.А. Обручев (1842–1851); с 1851 по 1857 г. Оренбургским и Самарским генерал-губернатором вновь стал генерал от кавалерии В.А. Перовский.

Оренбургскими гражданскими губернаторами во второй четверти XIX в. являлись действительный статский советник И.Л. Дебу (1827–1832), статский советник Н.В. Жуковский (1832–1835), действительный статский советник А.П. Гевлич (1835–1840), действительный статский советник И.Д. Талызин (1841–1844), статский советник Н.В. Балкашин (1846–1851), статский советник Я.В. Ханьков (1851–1856). Все оренбургские гражданские губернаторы данного периода были дворянами, имели высокие чины статского советника и действительного статского советника, что соответствовало V–IV классам Табели о рангах.

Во второй четверти XIX в. в оренбургском губернаторском корпусе половину составляли бывшие военные: из шести гражданских губернаторов трое (И.Л. Дебу, И.Д. Талызин, Н.В. Балкашин) были переведены на гражданскую службу с военной. Этот показатель (50%) для данного периода был несколько меньше, чем в целом по России. По данным О.В. Моряковой, в 1843 г. среди председательствующих и членов присутственных мест Тамбовской губернии было 82% отставных военных, в Калужской губернии – 68% [1. С. 200]. Данный факт, видимо, можно объяснить тем, что главным начальником Оренбургской губернии являлся все-таки военный губернатор, в ведении которого находились регулярные и иррегулярные войска края, пограничное управление, а гражданский губернатор выполнял задачи управления невоенным населением края в пределах губернии.

Так, действительный статский советник Иосиф Львович Дебу, назначенный в губернию указом Николая I от 7 июля 1827 г., происходил из знатной французской фамилии, известной еще с XIII в. Его отец – Лев Львович Дебу (Louis de Desbout) – знаменитый русский военно-морской врач, который был известен у себя на родине как отличный хирург [10. С. 9]. В 1781 г. по предложению контр-адмирала И.А. Борова, прибывшего со своей эскадрой в Ливорно, Л.Л. Дебу перешел на русскую службу. В 1781 г. вместе с отцом в Петербург прибыл и Иосиф Львович. В 1793 г. он начал военную службу капралом в лейб-гвардии Семеновском полку [11. Л. 68]. С 1810 г. служил на Кавказе, в 1813 г. был назначен командующим бригадой левого фланга Кавказской линии, неоднократно награждался орденами. Расстроенное здоровье не позволило Дебу продолжить военную карьеру, в июне 1826 г. он был определен к статским делам с чином действительного статского советника и получил назначение в Оренбургскую губернию [Там же. Л. 70].

Действительный статский советник Иван Дмитриевич Талызин, назначенный в Оренбургскую губернию по указу от 29 мая 1840 г., также был из отставных военных [12. Л. 3]. Он родился в 1799 г., происходил из дворян Московской губернии. В 1817 г. начал службу подпрапорщиком в Троицком пехотном полку, с 1821 г. – адъютантом у командующего Отдельным

Кавказским корпусом генерала от инфантерии А.П. Ермолова [Там же]. В 1823 г. Талызин участвовал в боевых действиях в Дагестане, в 1825 г. воевал с чеченцами. Талызин служил у А.П. Ермолова вместе с А.С. Грибоедовым. После отставки генерала в 1827 г. И.Д. Талыzinу было приказано состоять при Главном штабе по военным поселениям. В 1833–1838 гг. И.Д. Талызин возглавил Омское областное правление Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а в декабре 1838 г. утвержден исполняющим должность тобольского губернатора, переведен на гражданскую службу с чином действительного статского советника [Там же]. 17 февраля 1839 г. Талызин был утвержден в должности тобольского губернатора [Там же. Л. 4].

Военная служба губернатора Николая Васильевича Балкашина была связана с Оренбургской губернией. Он происходил из дворян Московской губернии [13. Л. 3]. В 1823 г. окончил Московское учебное заведение для колонновожатых, был произведен прапорщиком в свиту Его императорского величества по квартирмейстерской части. В училище были получены знания в области фортификации, геодезии. В 1823–1824 гг. его командировали в составе военной экспедиции в казахскую степь, в 1825 г. он сопровождал купеческий караван, следовавший из Оренбурга в Бухару [Там же. Л. 3–5]. В январе 1835 г. Балкашина назначили адъютантом к командиру Отдельного Оренбургского корпуса генерал-адъютанту В.А. Перовскому, в 1840 г. – исправляющим должность командующего Башкиро-мещерякским войском. В феврале 1845 г. Николай Васильевич был переведен на гражданскую службу с чином коллежского советника, 24 апреля назначен саратовским вице-губернатором, а 30 марта 1846 г. – оренбургским гражданским губернатором [Там же. Л. 3].

Опыт военной службы, безусловно, отложил отпечаток на стиль управления этих гражданских губернаторов. Для отставных военных были характерны более решительные и твердые методы руководства, желание «навести порядок», что не всегда встречало поддержку у местного чиновничества, приводило к появлению доносов и конфликтов.

Так, в 1831 г. гражданский губернатор И.Л. Дебу стал жертвой клеветы. Уфимский частный пристав Макеев в октябре 1831 г. сообщил военному губернатору П.П. Сухтелену, что был свидетелем разговора уфимских мещан. Один из них – Стариков – заявлял, что у него есть доказательства, что гражданский губернатор И.Л. Дебу – «вор, разбойник, грабитель и государственный преступник», что дом гражданского губернатора построен из леса, принадлежащего купцу Юдину, который подарил губернатору 200 бревен. Помещик Левашов, по словам А. Старикова, подарил губернатору карету [14. Л. 550–550 об.]. Иосиф Львович представил объяснение военному губернатору, подчеркнув, что «не считает нужным оправдываться против совершенно безумных изветов и ему очень огорчительно, имея за плечами 38-летнюю службу» [15. Л. 16]. Он объяснил, что при строительстве дома купил у купца Юдина бревна по цене 75 коп. за каждое. Карета была взята у помещика Левашова, но на время, отремонтирована им за свои деньги и выкуплена.

Все материалы были отправлены начальнику III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии А.Х. Бенкендорфу. Изучив дело, он обратился к Дебу: «...напрасно изволите оскорбляться безымянным доносом... все, что касается Вас, не имеет силы» [15. Л. 16]. По данным Уфимского городского магистрата выяснилось, что главный обвинитель – мещанин А. Стариков – состоит под судом по нескольким делам, известный ябедник, «поведения распутного, всегда в пьянстве, государственных податей не платит в срок, никакой собственности не имеет, занимается только сочинением возмутительных просьб» [Там же. Л. 19]. Комитет министров решил, что поскольку Стариков не может представить доказательств своих обвинений, расценивать его слова как навет на гражданского губернатора и поступить с ним по всей строгости закона [14. Л. 554 об.]. Он был отдан в военную службу с зачетом за рекрута. 8 декабря 1832 г. И.Л. Дебу был пожалован в тайные советники и назначен присутствующим сенатором сначала в петербургском департаменте, а потом – в московском [11. Л. 79]. В донесении департамента полиции была дана следующая характеристика И.Л. Дебу: «...он более пяти лет находится в занимаемой им должности, оказался особо усерден по службе, попечением его и личным настоянием взыскание недоимок производится успешно, движение дел по губернии ускорено», – но ввиду его преклонных лет, слабого здоровья он не может управлять обширной Оренбургской губернией, «что помимо ума требует активной физической деятельности», поэтому может быть переведен на службу в столицу [16. Л. 1].

Гражданский губернатор Иван Дмитриевич Талызин в октябре 1841 г. подвергся доносу, который был подписан именем бугульминского мещанина П. Маслова [17. С. 16]. Как свидетельствуют исследования современного историка Г.Н. Бибикова, еще во время службы Талызина в Сибири в III Отделение неоднократно поступали доносы на его пьяные дебоши, резкое обращение с чиновниками всех ведомств, незаконные увольнения служащих, связи с питейным откупом [Там же. С. 14–15]. В каждом случае начальник седьмого (сибирского) округа Корпуса жандармов генерал-майор Н.Я. Фалькенберг проводил проверку представленных материалов и фактически отводил все подозрения от губернатора, заключая, что поводом для доносов стал конфликт Талызина и уволенных им чиновников. В 1840 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков стал добиваться перевода Талызина с должности тобольского гражданского губернатора. Однако открывшаяся вакансия оренбургского гражданского губернатора и вмешательство военного губернатора генерал-лейтенанта В.А. Перовского, который ходатайствовал за назначение Талызина в Оренбургскую губернию, привели к переводу Талызина и не позволили П.Д. Горчакову предпринять каких-либо решительных шагов [Там же. С. 16].

Приехав в Оренбургскую губернию в 1840 г., Иван Дмитриевич начал действовать так же решительно и жестко: за «упущения по службе» он отстранил от должностей чиновника по особым поручениям Залесова, уфимского полицмейстера штабс-капитана Игнатъ-

ева, ассессора строительной комиссии Иванова, советников губернского правления Ломоносова и Ребелинского, «он начинает неприлично бранить чиновников – одного выгнал из своего дома, другого – вытолкал из дворянского собрания, канцеляристов рвал за уши, низшего класса людей собственноручно наказывал» [18. Л. 296]. Стиль управления И.Д. Талызина отличался от методов прежнего «кабинетного» губернатора А.П. Гевлича. Это и стало причиной конфликта между новым гражданским губернатором и местным чиновничеством и привело к появлению в конце 1841 г. нового доноса. В нем говорилось, что дворяне и чиновники удивлены: «...в нынешний просвещенный век Оренбургский край, такой важный в государственном составе, находится в самовластном управлении» [Там же. Л. 10, 296]. Донос вызвал самую масштабную проверку Оренбургской губернии первой половины XIX в., проведенную под руководством сенатора А.Н. Пещурова. Ее причины, ход, итоги нашли довольно полное отражение в исследованиях [17, 19, 20].

Все материалы по расследованию доноса были сосредоточены в III Отделении Собственной Е. И. В. канцелярии. А.Х. Бенкендорф, собрав сведения о губернаторе, выделил две группы отзывов. По одним, Талызина отличали открытая ненависть к чужому мнению, самовластье, разгульный образ жизни и недостаточное образование [18. Л. 9]. По другим, новый гражданский губернатор стремился показать свою «благонамеренность»: увеличил поступление ежегодного дохода в казну с 36 тыс. до 170 тыс. рублей за счет проверки правильности содержания казенных оброчных статей, обладал довольно тонким умом, дальновидностью, деятелен, а «недовольные – это лица, которые по прибытии его в губернию пользовались слабым управлением предшественника его и те, кто раньше пользовался несправедливо выгодами взятыми в свое содержание казенных оброчных статей за дешевую цену» [Там же. Л. 11]. Чтобы принять окончательное решение, А.Х. Бенкендорф выступил с предложением направить в Оренбургскую губернию сенатора для производства ревизии.

Ревизия 1842–1843 гг. сенатора А.Н. Пещурова выявила многочисленные беспорядки в делопроизводстве губернских учреждений. Сенатор составил подробнейшую «Записку об открытых при ревизии упущениях в уездных присутственных местах» [19. С. 294]. Но в выводах сенатора не было прямых упреков в адрес И.Д. Талызина. Он писал, что медленное производство дел существовало и до Талызина (были обнаружены дела, производство по которым велось 20 лет). Ревизия показала, что все обвинения против Талызина не имеют никаких оснований, а сам донос – это прежде всего личная месть со стороны недовольных чиновников Оренбургской губернии [18. Л. 369]. Оказалось, что «руководителем партии недовольных» в губернии был подполковник корпуса жандармов в Уфе Краевский [17. С. 18–20].

В марте 1843 г. Комитет министров рассмотрел вопрос о награждении гражданского губернатора И.Д. Талызина, чтобы «вознаградить его за несправедливый донос и восстановить в общем мнении должное

к званию губернатора уважение» [18. Л. 431]. По решению Комитета от 1 мая 1843 г. губернатор был награжден орденом Св. Анны I степени. Сам Иван Дмитриевич Талызин очень тяжело переживал донос. Когда началась ревизия, он заявил сенатору, что «намерен искать для себя другого назначения» [Там же. Л. 342]. Пешуров был категорически против отставки губернатора, чтобы лишить возможности доносчиков менять начальников губернии по своему произволу. Он считал, что не стоит подвергать губернатора дальнейшим «неприятностям», поскольку они могут стать «убийственными». А.Н. Пешуров оказался прав: Талызин не дождался решения Сената по итогам ревизии, указ об этом был принят 19 декабря 1844 г. Он умер в Уфе 14 мая 1844 г. Жандармский подполковник Краевский был уволен от должности после донесения А.Н. Пешурова в адрес А.Х. Бенкендорфа.

Анализ материалов данных расследований свидетельствует, что центральная власть очень внимательно рассматривала поступающие доносы на должностных лиц, тем более губернаторов. При Николае I вся информация о чиновниках, в том числе жалобы, доносы, сосредоточивались в III Отделении С. Е. И. В. канцелярии, которое, по наблюдениям А.Н. Бикташевой, стало оказывать серьезное влияние на решение кадровых вопросов. [21. Р. 141]. Как считает историк, во второй четверти XIX в. негласный рутинный надзор жандармских штаб-офицеров над местной администрацией и общественными настроениями пришел на смену гласному, но спорадическому сенаторскому [Там же. Р. 132–143]. Исследователь Г.Н. Бибилов также пришел к выводу, что к концу 30-х гг. XIX в. надзор III Отделения за губернаторским корпусом был плотно встроен в систему государственного управления [17. С. 20.]. Однако его особенностью, по мнению ученого, являлось то, что он не предполагал публичного расследования. В конечном итоге все сведения поступали к монарху, который принимал окончательное решение по всем кадровым вопросам. Император, правительство придавали очень большое значение добросовестности губернаторов, были заинтересованы в проведении негласного расследования, но вместе с тем преследовали неуважительное отношение к губернаторской власти, анонимные доносы и вставляли на сторону руководителей местной администрации.

Во второй четверти XIX в. возросло число оренбургских губернаторов, имеющих высшее образование. Если в первой четверти XIX в. только один из восьми оренбургских гражданских губернаторов имел высшее образование [22. С. 21], то в 20–50-е гг. XIX в. – уже трое губернаторов из шести, т.е. 50%. По данным О.В. Моряковой, только 21,6% российских губернаторов этого периода имели высшее образование [1. С. 194]. Один оренбургский гражданский губернатор (И.Л. Дебу) имел среднее образование (Артиллерийский и Инженерный шляхетский кадетский корпус), один – домашнее (Н.В. Жуковский), сведения об образовании И.Д. Талызина в формулярном списке отсутствуют. Повышение образовательного уровня оренбургских гражданских губернаторов стало результатом роста

числа учебных заведений в Российской империи, происшедшего при Александре I.

Среди оренбургских гражданских губернаторов второй четверти XIX в. был даже чиновник, имевший ученую степень – это действительный статский советник Авксентий Павлович Гевлич, назначенный оренбургским гражданским губернатором по указу императора Николая I от 13 апреля 1835 г. [23. Л. 43]. Он происходил из дворян Харьковской губернии, обучался в Харьковском университете (отделение словесности) как своекоштный студент. В 1813 г. получил степень магистра, в 1815 г. – доктора словесности. Как писал в своих памятных записках «Из недавней старины» Иван Степанович Листовский, современник губернатора, чиновник местной палаты гражданского суда, Гевлич – «...человек высокой честности, умный, ученый, но кабинетный, тихий» [24. С. 110]. А некоторые из жителей губернии, по словам Листовского, даже сравнивали гражданского губернатора с «бабой» за его мягкий характер.

В первой трети XIX в. в России происходит становление административной статистики, задача которой состояла в сборе сведений о губерниях и использовании их в практике управления. В 1837 г. И.Л. Дебу, который уже оставил службу в крае, составил и опубликовал топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии, за что получил благодарность императора Николая I [11. Л. 79]. Точность «описания», включающего сведения о населении Оренбургского края, состоянии торговли, промышленности, образовании, объясняется тем, что Иосиф Львович привлекал данные, поступающие в его канцелярию от учреждений губернии [25. С. 4].

Оренбургский гражданский губернатор статский советник Яков Владимирович Ханыков, который стал самым молодым из всех губернаторов второй четверти XIX в. (при назначении ему было 33 года), после окончания в 1835 г. Царскосельского лицея поступил на службу чиновником особых поручений в статистическое отделение Министерства внутренних дел [26. Л. 129–129 об.]. С 1836 г. он служил в оренбургском губернском статистическом комитете. Министр внутренних дел Д.Н. Блудов в своем письме военному губернатору В.А. Перовскому от 14 апреля 1836 г. по поводу назначения Я.В. Ханыкова в оренбургский статистический комитет писал: «...Сей молодой человек – один из отличнейших воспитанников Царскосельского лицея, который по своим способностям подает надежды. Может быть, он не вполне удовлетворит желанию вашему относительно естественных наук, так как посвятил себя преимущественно изучению истории, наук политических. Но зная его любознательность и трудолюбие, он справится» [27. Л. 1]. Одним из результатов работы Я.В. Ханыкова стала статья «Географическое обозрение Оренбургского края», напечатанная в «Материалах для статистики Российской империи». В 1844 г. Ханыков переехал в столицу, 31 января 1849 г. попечитель императорского Александровского лицея Его Императорское Высочество принц П.Г. Ольденбургский с согласия министра внутренних дел утвердил Я.В. Ханыкова исправляющим должность профессора

лица для преподавания курса делопроизводства по МВД [26. Л. 129–129 об.]. Повышение уровня образования гражданских губернаторов, научно-практическая деятельность по составлению ими статистических описаний вверенной губернии свидетельствовали о появлении в местном управлении «просвещенных чиновников», обладающих необходимым уровнем знаний и стремившихся использовать их в своей практической деятельности.

Важным показателем подготовленности гражданских губернаторов к административной работе и критерием кадровой политики правительства являлось наличие управленческого опыта. Из шести оренбургских гражданских губернаторов второй четверти XIX в. только И.Л. Дебу приступил к исполнению своих обязанностей в губернии сразу после перехода с военной службы. Я.В. Ханыков, хотя и не был прежде губернатором или вице-губернатором, но был хорошо знаком с особенностями края, поскольку долгое время (с 1836 г.) служил поначалу военного губернатора В.А. Перовского. Кроме того, в мае 1844 г. Я.В. Ханыков был назначен чиновником особых поручений при МВД. Институт чиновников особых поручений при МВД являлся школой кандидатов в губернаторы. Эти чиновники выполняли поручения, связанные с ревизией губернских правлений, отдельных местных учреждений. Министр внутренних дел присматривался к способностям претендентов и затем ходатайствовал перед императором о назначении того или иного кандидата. Я.В. Ханыков также выполнил ряд поручений: 23 мая 1845 г. он отправился в Ригу для изучения и преобразования городского устройства и хозяйства; 3 февраля 1846 г. вошел в состав двух комитетов по устройству быта лифляндских и эстляндских крестьян. [Там же. Л. 129–130.].

Все остальные губернаторы до назначения в Оренбургскую губернию имели опыт гражданской службы, в том числе управленческий. Статский советник Николай Васильевич Жуковский в марте 1802 г. начал службу губернским регистратором в Челябинском уездном суде, в декабре 1816 г. был назначен в канцелярию сибирского генерал-губернатора. С 1820 г. его служба проходила под руководством сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского, который характеризовал Жуковского как чиновника «способного» и «отличного поведения» [28. Л. 3]. После разделения Сибири на два главных управления Н.В. Жуковский был определен управляющим канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири (с 1822 г.), затем – председателем Тобольского губернского правления (1823–1829), с 1824 по 1828 г. он исправлял обязанности тобольского гражданского губернатора. Сенаторы, ревизовавшие Тобольскую губернию, объявили ему благодарность за устройство и порядок, найденный в заведениях приказа общественного призрения губернии [29. Л. 2–3.]. В марте 1829 г. Жуковский направил прошение министру внутренних дел А.А. Закревскому, в котором объяснял, что «...слабость здоровья и семейные обстоятельства не позволяют более оставаться в столь суровом климате в Тобольске» и просил перевести его в «одну из российских губерний» [28. Л. 2].

В карьере Николая Васильевича принял участие и М.М. Сперанский, занимавшийся в то время кодификационной деятельностью в столице. В своем письме министру внутренних дел А.А. Закревскому он вспомнил период совместной службы с Н.В. Жуковским в Сибири, дал высокую оценку деловым качествам Николая Васильевича и просил министра определить чиновника на службу в соответствии с его желанием. Министр внутренних дел доложил Николаю I о поступивших просьбах, но ответ императора был таков: «...более полезным оставить Жуковского в Сибири для определения его со временем в гражданские губернаторы. По известности ему тамошнего края» [Там же. Л. 13–13 об.]. Император изменил свое решение после повторного прошения от Жуковского, в котором он просил «хотя бы на некоторое время определить в одну из российских губерний». 1 августа 1829 г. Николай Васильевич был уволен от должности председателя губернского правления, причислен к МВД «для особых поручений до открытия вакансии», а 30 апреля 1830 г. был «назначен состоять при оренбургском военном губернаторе для употребления по делам гражданским и пограничным» [Там же. Л. 47–47 об.].

А.П. Гевлич к моменту определения на должность оренбургского гражданского губернатора также имел необходимый управленческий опыт. С 1816 г. он служил в канцелярии министра финансов, в государственной комиссии погашения долгов, в департаменте внешней торговли [23. Л. 44]. В 1829 г. в чине статского советника был определен вице-губернатором Астраханской губернии, в 1830–1832 гг. исполнял обязанности астраханского губернатора. В 1832 г. Гевлич был назначен тульским губернатором. В 1833–1835 гг. он исправлял должность статс-секретаря в Государственном Совете по департаменту законов.

Действительный статский советник И.Д. Талызин в декабре 1838 г. стал исправляющим должность тобольского гражданского губернатора, а в 1839 г. утвержден в этой должности [12. Л. 3]. Статский советник Н.В. Балкашин в феврале 1845 г. был переведен на гражданскую службу с чином коллежского советника, в марте был причислен к МВД, а уже 24 апреля 1845 г. по высочайшему указу стал саратовским вице-губернатором. Он прослужил в Саратовской губернии до 30 марта 1846 г., затем получил назначение оренбургским гражданским губернатором и был произведен в чин статского советника [13. Л. 3].

Таким образом, император стремился назначать в Оренбургскую губернию чиновников, имеющих административный опыт или хорошо знакомых со спецификой губернии.

Имущественное положение оренбургских гражданских губернаторов второй четверти XIX в., восстановленное по формулярным спискам, показывает, что для 50% из них (И.Л. Дебу, Н.В. Жуковский, И.Д. Талызин) именно служба являлась основным источником доходов. И.Л. Дебу в период службы в Оренбургской губернии по наследству от умершей жены достался деревянный дом недалеко от Уфы. Других сведений об имуществе Дебу не сохранилось. [11. Л. 68]. В отличие от всех гражданских губернаторов, Н.В. Жуковский

был родом из дворян Оренбургской губернии, в г. Челябинске имел небольшой деревянный дом. [28. Л. 3]. Формулярный список И.Д. Талызина свидетельствует о том, что никакого имущества за ним не числилось. Остальная часть оренбургских гражданских губернаторов относилась к категории мелких и средних душевладельцев: у родителей А.П. Гевлича в Сумском уезде было 67 душ крепостных крестьян [23. Л. 43]. У Н.В. Балкашина и его родителей в Ярославской и Тверской губерниях было 300 душ крепостных крестьян, а у жены в деревне Новоселке Оренбургской губернии – 184 душ м. п. крестьян, дом около г. Уфы и 10,5 десятин земли [13. Л. 3]. За отцом Я.В. Ханыкова в Калужской и Тульской губерниях числилось 396 душ крепостных крестьян [26. Л. 129–129 об.]. Материальное положение оренбургских гражданских губернаторов целиком зависело от их службы, которая являлась основным источником доходов.

Возрастной ценз оренбургских гражданских губернаторов второй четверти XIX в. по сравнению с предшествующим периодом изменился незначительно. Если в первой четверти XIX в. шесть из восьми оренбургских гражданских губернаторов вступили в должность в возрасте 31–46 лет (75%), а двое – 55–57 лет [22. С. 21], то во второй четверти XIX в. пятеро губернаторов вступили в должность в возрасте от 33 до 45 лет (83,3%), только И.Л. Дебу к моменту назначения на службу исполнилось 53 года. Данные показатели в целом соответствуют общероссийской статистике, в соответствии с которой к 1825 г. подавляющее большинство российской правящей элиты еще не достигло 50 лет, а средний возраст гражданских губернаторов составлял 46,3 года [3. С. 101]. Историки связывают такое «омоложение» с последствиями войны 1812 г., которая позволила ускорить военную карьеру, а затем перейти высшему офицерству на статскую службу [Там же. С. 102]. Кроме того, особенности географического положения и административного устройства обширной Оренбургской губернии, необходимость частых длительных командировок для осмотра и ревизии присутственных мест предъявляли довольно высокие требования к состоянию здоровья и возрасту чиновников. Поэтому большая часть их них находилась на службе в крае в самом деятельном и работоспособном возрасте.

Более половины оренбургских гражданских губернаторов (67%) занимали свою должность 5 лет и больше, в то время как по России этот показатель был характерен только для 12,6% губернаторов, выполнявших свои обязанности от 5 до 10 лет [1. С. 45]. Двое губернаторов (Н.В. Жуковский, И.Д. Талызин) находились в должности 3 года. Такая административная стабильность была, по всей видимости, связана с обширностью Оренбургской губернии, ее окраинным положением, довольно сложной системой управления. Требовался большой период для знакомства с делами управления в крае. Гражданские губернаторы покидали Оренбургскую губернию либо в связи с новыми назначениями в другие губернии и центральные учреждения, переходом на военную службу, либо по состоянию здоровья или по причине смерти.

Все оренбургские гражданские губернаторы второй четверти XIX в., за исключением А.П. Гевлича и И.Д. Талызина, были женаты.

Важным рычагом кадровых назначений оренбургских гражданских губернаторов являлась протекция действующего военного губернатора. Так, из шести оренбургских гражданских губернаторов этого времени четверо (Н.В. Жуковский, И.Д. Талызин, Н.В. Балкашин, Я.В. Ханыков) были определены благодаря военным губернаторам П.П. Сухтелену и В.А. Перовскому, которые пользовались расположением императора, а последний был братом министра внутренних дел Л.А. Перовского. Н.В. Жуковский служил под руководством М.М. Сперанского и военного губернатора П.П. Сухтелена, которые дали самые высокие оценки чиновнику. Перевод И.Д. Талызина в Оренбургскую губернию стал результатом ходатайства военного губернатора В.А. Перовского, которому Талызина рекомендовал А.П. Ермолов [17. С. 16]. По поводу службы Н.В. Балкашина во главе Башкиро-мещерякского войска В.А. Перовский писал: «Вы соединяете в себе те качества, которые нужны для возведения башкирского народа на ту степень благосостояния, на которой он стоять может» [19. С. 136]. Статский советник Я.В. Ханыков был приглашен в край также благодаря В.А. Перовскому.

Таким образом, изучение основных социокультурных характеристик оренбургских гражданских губернаторов второй четверти XIX в. позволяет сделать вывод, что они в целом соответствовали основным общероссийским показателям по социальному происхождению, опыту военной службы, возрастному цензу. Отличия были связаны прежде всего с образовательным уровнем, имущественным положением оренбургских гражданских губернаторов, сроком их пребывания в должности, что объяснялось особенностями положения края в составе Российской империи. В кадровых назначениях Николай I отдавал предпочтение чиновникам, знакомым со спецификой края либо ранее служившим в тех губерниях, прежде всего в Сибири, которые имели некоторые черты сходства с Оренбургской губернией (большая территория, наличие казачьих войск). Вопреки распространенному тезису отечественной историографии о том, что бывшие военные, перейдя на гражданскую службу, становились плохими администраторами, не соответствует реальной практике управления в Оренбургской губернии. Архивные материалы позволяют сделать вывод, что из числа военных выходили деятельные, вдумчивые, преданные делу, работоспособные администраторы.

Характеризуя кадровую политику Николая I, следует четко понимать, что ее целью в области местного управления стало усиление власти губернаторов. Центральная власть проводила тщательное расследование доносов на руководителей местной администрации, которое было сосредоточено в III Отделении Собственной Е. И. В. канцелярии, но стремилась не уронить престиж губернаторской должности и уважение к ней. Стало уделяться больше внимания сбору статистических сведений, необходимых для принятия

управленческих решений. Сделав ставку на проведение реформ в России законным путем, бюрократическими средствами, император придавал важное значение

добросовестности губернаторов, их компетентности, исполнительности, дисциплинированности, послушанию и личной преданности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морякова О.В. Система местного управления при Николае I. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. 272 с.
2. Мироненко С.В. Николай I // Российские самодержцы. 1801–1917. М. : Междунар. отношения, 1993. С. 91–158.
3. Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. М. : Новый хронограф, 2012. 496 с.
4. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. 288 с.
5. Выскочков Л.В. Император Николай I: человек и государь. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. 644 с.
6. Семенова Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII–первой половине XIX в. Sterlitamak : Ин-т истории, яз. и лит. УНЦ РАН ; Sterlitamak. гос. пед. ин-т., 2001. 197 с.
7. Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собрание сочинений А.Д. Градовского : в 9 т. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 1. С. 299–338.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 26. № 20004.
9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 418.
10. Военная энциклопедия / под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. фон-Шварца, В.А. Апушкина, Г.К. фон-Шульца. СПб. : Т-во И.Д. Сытина, 1912. Т. IX. 366 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 657.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11742.
13. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 139.
14. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 725.
15. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 69.
16. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 10568.
17. Бибииков Г.Н. III Отделение и надзор за губернской администрацией: случай губернатора И.Д. Талызина // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 12–23.
18. РГИА. Ф. 1284. Оп. 27. Д. 6.
19. Гвоздиков И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа : Китап, 2010. 384 с.
20. Семенова Н.Л. Причины сенаторской ревизии Оренбургской губернии 1842–1843 гг. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 4 (123). С. 46–51.
21. Бикташева А.Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. Р. 132–143.
22. Семенова Н.Л. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII – первая четверть XIX веков) // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 10–26.
23. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 452.
24. Листовский И. Из недавней старины // Русский архив. 1884. Кн. 2. С. 294–312.
25. Дебу И.И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М. : Унив. тип., 1837. 224 с.
26. РГИА. Ф. 472. Оп. 33. Внутр. оп. 138/975. Д. 5.
27. РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 1.
28. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 480.
29. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 111.

Nataliya L. Semenova, Sterlitamak Branch Bashkir State University (Sterlitamak, Russian Federation). E-mail: natalja_leonid@mail.ru
PERSONNEL POLICY OF THE RUSSIAN GOVERNMENT IN THE SECOND QUARTER OF THE XIX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE ORENBURG CIVIL GOVERNORS).

Keywords: the Orenburg region, civil governor, personnel policy, Emperor.

The aim of presented article is to examine the mechanism and motives of appointment and dismissal of civil governors of the Orenburg province at the second quarter of the XIX century. This topic is disclosed on the basis of the study of sociocultural characteristics of six civil governors, such as education, property status, age, managerial experience, marital status, formal and informal criteria of their appointments to the positions and their dismissal. The article is based on official sources from the archives of the Ministry of Internal Affairs (Russian State Historical Archive) the Chancellery of Orenburg military governor (State Archive of the Orenburg region). In this methodological approach, the author relies on the principles and methods of institutional theory and historical sociology. The administrative practice in the Orenburg region at the second quarter of the XIX century showed that civil governors corresponded in their social status, military career, age level to the Russian characteristics in general. The differences were connected with the educational level, the estate of the Orenburg civil governors, period of their ruling and could be explained by peculiarities of the region in the system of the Russian Empire. Preferences were given to the officials who knew the specificity of the region or who worked in the regions, mainly in Siberia, having similar features with the Orenburg region (large territory, availability of Cossack army) and who got high appreciation of the military governor. A military governor as a chief ruler of the Orenburg province had a big impact on the appointment and dismissal of the civil governors. Such a peculiarity of decisions on personnel questions can be explained by a borderline position of the Orenburg province. The goal of the policy of Nicholas I in the field of local government was to strengthen the power of the governor. The central government paid attention not only to legislative regulation, but also to the business and personal qualities of local administration heads, while using the supervisory functions of the Third section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.

REFERENCES

1. Moryakova, O.V. (1998) *Sistema mestnogo upravleniya pri Nikolae I* [The system of local government in the reign of Nicholas I]. Moscow: Moscow University.
2. Mironenko, S.V. (1993) *Rossiyskie samoderzhtsy. 1801–1917* [Russian autocrats]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 91–158.
3. Biktasheva, A.N. (2012) *Antropologiya vlasti: kazanskie gubernatory pervoy poloviny XIX v.* [Anthropology of the Power: Kazan Governors in the first half of the 19th century]. Moscow: Novyy khronograf.

4. Zayonchkovskiy, P.A. (1978) *Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v.* [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th century.]. Moscow: Mysl'.
5. Vyskochkov, L.V. (2001) *Imperator Nikolay I: chelovek i gosudar'* [Emperor Nicholas I: the Man and the Tsar]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Semenova, N.L. (2001) *Voennoe upravlenie Orenburgskim kraem v kontse XVIII–pervoy polovine XIX v.* [The Military Governance in Orenburg Region in the late 18th – first half of the 19th centuries]. Sterlitamak: Sterlitamak State Pedagogical University.
7. Gradovskiy, A.D. (1899) *Sobranie sochineniy A.D. Gradovskogo: v 9 t.* [Collected Works by A.D. Gradovsky: in 9 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich. pp. 299–338.
8. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 26. № 20004. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
9. The State Archive of Orenburg Region (GAOO). Fund 6. List 1. File 418.
10. Velichko, K.I., Novitsky, V.F., von Schwarz, A.V., Apushkin, V.A. & von Schultz, G. K. (eds) (1912) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 9. St. Petersburg: I.D. Sytin.
11. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 3. File 657.
12. The State Archive of Orenburg Region (GAOO). Fund 6. List 6. File 11742.
13. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 3. File 139.
14. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 725.
15. The National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB). Fund I - 6. List 1. File 69.
16. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 5. File 10568.
17. Bibikov, G.N. (2017) Third section of His Imperial Majesty's Own Chancellery and the control over provincial administration: the case of Governor I.D. Talsin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* –Tomsk State University Journal of History. 50. pp. 12–23. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/2
18. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 27. File 6.
19. Gvozdikova, I.M. (2010) *Grazhdanskoe upravlenie v Orenburgskoy gubernii v pervoy polovine XIX v. (1801–1855 gg.)* [The Civil Governance in Orenburg province in the first half of the 19th century (1801–1855)]. Ufa: Kitap.
20. Semenova, N.L. (2011) Prichiny senatorskoy revizii Orenburgskoy gubernii 1842–1843 gg. [Reasons for the senatorial inspection of Orenburg province in 1842–1843]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 4(123). pp. 46–51.
21. Biktasheva, A.N. (2015) Gendarmes and the modernization of local rule in Russia (research experience and prospects). *Quaestio Rossica*. 2. pp. 132–143. (In Russian). DOI: 10.15826/qv.2015.2.100
22. Semenova, N.L. (2016) Civilian governors in Orenburg Province: The mechanism and motives of their appointment and dismissal (late 18th – first quarter of 19th century). *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 48(2). pp. 10–26. (In Russian).
23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 452.
24. Listovskiy, I.S. (1884) Iz nedavney stariny [Of the recent old times]. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 294–312.
25. Debu, I.L. (1837) *Topograficheskoe i statisticheskoe opisanie Orenburgskoy gubernii v nyneshnem ee sostoyanii* [The Topographical and Statistical Description of Orenburg Province in its Present Condition]. Moscow: Moscow University.
26. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 33. File 5.
27. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 82. File 1.
28. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 4. File 480.
29. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 111.